

Джим Гаррисон

**Человек, который
отказался от имени**

1979

Гаррисон Д.

Человек, который отказался от имени / Д. Гаррисон — 1979

Содержание

Глава I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Джим Гаррисон

Человек, который отказался от имени

Глава I

Нордстром пристрастился танцевать в одиночку. В своем душевном здоровье он не видел ни малейшего изъяна, а ежевечерние танцы считал заменой скучной гимнастики. Последнее время он корил себя за то, что живет в покорном согласии со всеми своими заурядными представлениями о жизни. Танцы были чем-то новым, вносили в жизнь почти метафизическую остроту. В сорок три года он сохранил пусть не блестящую, но хорошую физическую форму, хотя ощущал некоторое размягчение, расплывчатость телесных контуров. Вымыв посуду после позднего обеда и притушив в комнате свет, он загружал стереопроектор на час, а с недавнего времени нередко и на два; подбор музыки был эклектичный и зависел от настроения: в один и тот же вечер могли сойтись Мерл Хаггард, «Жемчужина» Джоэлин, «Бич бойз», «Весна священная» Стравинского, Отис Реддинг и «Грейтфул дэд». Задача была – двигаться, выгнать пот, почувствовать, что тело стало раскованным и послушным.

Нордстром был не очень хорошим танцором но, когда танцуешь один, кому какое дело?

С детских лет в Висконсине он отлично плавал, был приличным рыболовом и охотником на птицу, приличным баскетболистом и футбольным полузащитником, прилично играл в гольф и в теннис. Теперь в его сны навевалось только плавание, все остальное отпало. Может быть, плавание – это танец в воде, думал он. Плыть под листьями кувшинок, видеть, как колышутся их стройные зеленые стебли, когда проплываешь рядом, плыть под бревнами мимо стаек ушастых окуней, плыть по тростниковым руслам мимо водяных змей и черепашек, плавать в маленьких озерах, в больших озерах, в озере Мичиган, в прудиках на ферме, в речушках, речках и гигантских реках, где тебя лениво влечет течение, плавать одному ночью, когда тебе девятнадцать и ты так одинок, что будто задыхаешься каждую минуту бодрствования, – покинув дом по причинам скорее гормональным, нежели рациональным, причинам, связанным с абстрактным видением будущего и своего неясного места в нем: нелепость ничуть не менее дикая оттого, что она так распространена.

Первое соприкосновение с танцем в его жизни произошло случайно. Второкурсником, стипендиатом в Висконсинском университете он заметил, что не может добраться от аудитории до мужского спортзала за отпущенные на это десять минут. А в 1956 году четыре семестра физкультуры были необходимым требованием. Перед тем как записаться на занятия, он обратился к тренеру по легкой атлетике, который запомнил его с осеннего семестра, когда Нордстром выиграл в своей группе и полмили, и толкание ядра, благодаря чему ненадолго выделился из неразличимой массы второкурсников. Тренер предложил ему бегать между лекциями, но это было вряд ли осуществимо, поскольку снег с дорожек в кампусе не убирали. Мускулистая женщина средних лет, сидевшая рядом с тренером за столиком с регистрационным журналом, посоветовала ему записаться на современные танцы – занятия эти проводились в женском спортзале, недалеко от аудиторного корпуса. Нордстром записался и пошел прочь, рисуя в воображении, как он мастерски танцует вальс, фокстрот, самбу и румбу. Специализируясь по экономике и тридцать часов в неделю работая в библиотеке статистики, он был лишен общения со сверстниками и думал, что благодаря вынужденным танцам откроются некие романтические перспективы.

Его ожидало потрясение, близкое к параличу: в классе учили действительно современному танцу а-ля Марта Грэм. Он оказался единственным мужчиной среди тридцати молодых женщин в трико, и в ушах у него звенело от смущения, а во рту стояла сушь. С детства он

был приучен доводить начатое до конца – это и нежелание признать свою глупость удержали его в классе. Но паралич не проходил, и, если не считать предварительной легкой разминки, он совсем не мог двигаться. Он боялся, что девушки, типичный продукт Среднего Запада, в большинстве коренастые и с плохими фигурами, считают его "педиком" – это было самое ходовое слово в общежитии. Через несколько недель у него достало ума переместиться в заднем ряду так, чтобы стоять позади самой симпатичной девушки в классе. Ее звали Лора, и Нордстром часто видел ее в библиотеке с другом, худым и высоким, баскетбольной знаменитостью. Грация Лоры повергала его в транс вожделения, отчего все, происходящее в классе, казалось сном. Она поддевала исключительно тугие трусики, чтобы замаскировать неизбежную прихотливость поз – в особенности выпуклость напрягшихся высоких ягодичек, когда она становилась на колени и стелилась над землей, как самая прекрасная собака, в каком-нибудь метре от его носа. Он всего раз заговорил с ней – сказал ей после занятий, что не надо кусать кулак. Она только посмотрела на него рассеянно и ушла.

Второй семестр перетек в теплую весну, и занятия стали еще мучительнее: девушки сняли рейтузы. На взгляд Нордстрома, нога Лоры были несравненно прекраснее тех, что он видел в журналах на рекламах купальников. Он бесился от мысли, что у баскетболиста с ней могло быть "все", как говорили в то время. Она никогда не оборачивалась, чтобы встретить взгляд, прожигавший ее с тыла. А Нордстром жалким образом прогуливал занятия, что означало еще один семестр физподготовки. В жаркий майский день финального экзамена – а это был пятиминутный сольный танец собственного сочинения – Нордстром крепко приложился к бутылке шнапса, которую ему подарил в пасхальные каникулы отец для успокоения нервов. Всю ночь он готовился к экзамену по экономике с помощью бело-зеленой капсулы декседрина с продленным действием. Экзамен он сдал удачно, по его ощущению, и теперь оставался только танец, после чего можно будет оттащить чемодан на автобусную станцию и уехать из Мэдисона к себе, на север Висконсина, в Райнлендер, на все лето. Подходя к спортзалу, он чувствовал себя, как мокрые увядающие кисти сирени, что росла у дорожки вдоль реки. Сирень напоминала ему о запахе в зале, и шнапс позванивал в мозгу, казалось, таком же потным, как тело. Он удивлялся, почему в воображении может танцевать, а тело остается деревянным, почти окоченным от стыда за непреодолимое отсутствие грации.

В зале оставались всего четыре девушки, которым еще предстояло показать сольный танец. Лора ждала своей очереди, прислонившись к простенку возле окна, откуда протянулся в зал длинный сноп солнечного света. Нордстром стал у соседнего окна и поглядывал на нее украдкой, но, когда она остановила на нем взгляд, отвернулся. Он стоя смотреть, как топает и извивается под музыку "Модерн джаз квартета" пухлая девушка, идиотски улыбаясь от напряжения. Преподавательница подошла к нему с улыбкой и сказала, чтобы он внимательно понаблюдал за следующим выступлением, – она хочет, чтобы его танец был откликом на него. Он с трудом сглотнул и кивнул, а Лора поставила пластинку Дебюсси и начала танцевать с непереносимой грацией. У Нордстрома в солнечном сплетении образовался ком, поднялся к горлу, а затем возникла неизбежная эрекция; он залез в карман и больно ее сжал, чтобы уничтожить. К тому времени, когда Лора закончила, он был уже лунатиком с дрожащими ватными ногами.

Он почти не заметил, как преподавательница завязала ему глаза. Лора медленно поднялась с пола где перед тем расслабленно лежала ничком, изображая смерть, во влажном трико, затянувшемся между ягодичками и лоснящемся от пота. Тут Нордstromу завязали глаза, и преподавательница сказала, что это снимет напряжение. Сквозь пыхтение он услышал "Чудесный мандарин" Бартока и неистово заплясал под неистовую музыку.

* * *

Двадцать три года *спустя*, в большой квартире в Бруклайне, Массачусетс, это событие все еще представлялось ему самым выдающимся в его жизни. Преподавательница сняла повязку, рассмеялась и поцеловала его в лоб. Он увидел Лору, стоящую у двери, – через секунду она вышла. Нордстром спрятал лицо в полотенце, легко вернувшись в состояние природной застенчивости. Он напился со знакомыми в общепите, пропустил свой автобус и еле-еле проснулся, чтобы успеть к нему на следующий день. Все лето он был задумчив; работал в маленькой компании отца, строившей коттеджи для городских, которые приезжали на лето в северный Висконсин. Родители его были бережливые скандинавы, и с двенадцатилетнего возраста Нордстром работал каждое лето, копи на колледж, как он думал, а на самом деле просто «копя» – по обыкновению суровых и полжизни погребенных в снегу лютеран-северян. Пока другие играли в бейсбол, он учился плотничать, замешивать раствор и, наконец, класть кирпичи и блоки. А в это лето вызывался на самые тяжелые работы: рыл колодцы, клал фундаменты, сгружал бетонные блоки и раствор, таскал по трапам кровельные листы. Он пытался извести свою страсть к девушке физическим трудом, но втайне мечтал о драке, о том, чтобы отлупить ее баскетболиста. Он был смущен, когда прислали его оценки, и «отлично» по современному танцу позабавило отца: «Плясуном станешь».

Если сократить наш рассказ, то прошел почти год, прежде чем Нордстром снова столкнулся с Лорой. По правде говоря, ему не хватало находчивости. Он подолгу глядел на ее фамилию и номер телефона в университетском справочнике, вздыхал и время от времени встречался с девицей из своего города, в пользу которой говорила, по крайней мере, модная доступность. Но она была из тех, кто танцует на стадионе в группе поддержки, и, трудясь над ней, Нордстром рассматривал этот акт любви как всего лишь терпимую форму мастурбации. Мысли его были не с ней. Однажды он увидел Лору на баскетбольном матче, с другой стороны зала, и вынужден был уйти – так ухнуло вниз его сердце. Потом, в середине мая, в таверне, где любили собираться члены мужского и женского студенческих клубов, зайдя туда как-то в пятницу только для того, чтобы спрятаться от дождя, он остановился у стойки и вдруг почувствовал у себя в ухе мокрый палец.

– Ты ни разу мне не позвонил. Я думала, ты позвонишь, – сказала Лора.

Он был ошарашен, и они какое-то время пили в компании двух ее одноклубниц – Нордстром очень быстро, чтобы преодолеть застенчивость, а потом еще быстрее, когда к ним присоединились несколько спортсменов. Спортсмены занялись армрестлингом – проигравший покупал пиво, – и, к их удивлению, Нордстром, с детства знавший этот спорт и труд, который способствует успехам в нем, победил всех. Потом спортсмены ставили на Нордстрома против всех новопришедших, пока у него не получилась ничья с футболистом из поляков, полукраиним; Лора встала и сказала, что ей надо домой, переодеться к свиданию. Ошеломленный Нордстром проводил ее до двери. Она обняла его одной рукой и сказала, что выходные у нее заняты, кроме второй половины дня в воскресенье, и пусть он в три зайдет.

Спустя много лет Нордстром раздумывал о роли случая в человеческой любви – как задумываются об этом все мыслящие смертные. Что если бы в ту пятницу не было дождя? Какая сомнительная и тревожная идея: он женился на Лоре потому, что однажды майским днем, в пятницу, в Мадисоне, штат Висконсин, шел дождь. Через ряд конкретных шагов дождь привел к воскресному дню, который начался с летнего дождика и поездки на ее машине за город с двумя литрами красного вина "Крибари". Потом дождик ослаб, стало тепло и влажно, и они прошли через лесок на поле зеленой пшеницы, достававшей до колена. На дальнем краю поля он постелил, по ее требованию, свой плащ. Они сидели и пили вино. На ней были мокасины без чулок, коричневая поплиновая юбка и белая блузка без рукавов. Они сидели, она смеялась

и болтала, и он впервые в жизни чувствовал себя совершенно счастливым. Ноги у нее были загорелые, потому что весенние каникулы она провела во Флориде. Она смотрела вверх на полевого луня. Он смотрел вниз на ее ноги – она отклонилась назад, глядя на луня, расчерчивавшего небо на четверти, и юбка у нее слегка задралась. Он оцепенел, ему хотелось лежать здесь, пока зеленая пшеница не прорастет сквозь него.

– Ты смотришь вдоль моих ног, – сказала она.

– Нет, не смотрел.

– Если скажешь честно, то можешь их поцеловать.

– Я смотрел.

Он целовал ей ноги, пока на них обоих не осталось никакой одежды. И лунь, усевшийся на дерево в перелеске, мог видеть неровный круг примятой зеленой пшеницы и, пока снова не пошел дождь, два сплетенных тела. Мужчина попытался укрыть девушку плащом, но она встала, потанцевала и выпила еще вина.

Таких простых занятий хватает влюбленным надолго. Мало кто отвернется от самого лучшего, что ему досталось. Она уехала на лето в Калифорнию, а осенью он привез ее обратно к началу последнего учебного года после сотни писем туда и оттуда. Он расцвел, наверное, как больше никогда в жизни, и через неделю после выпуска они поженились – к легкому отвращению ее амбициозных родителей и к удовольствию его собственных. Переехали в Калифорнию; она работала в маленькой компании, снимавшей документальные фильмы для корпораций, а он – в большой нефтяной компании. Жили в двухэтажной квартире в Уэствуде; через год Лора родила дочь, а еще через год вернулась на работу. Брак их продлился восемнадцать лет, и в основании его была сексуальная тайна. Слово "тайна" все еще уместно, несмотря на безжалостное его опошление в средствах массовой информации, настолько всеохватывающее, что оно, наверное, отражает нашу потребность истребить последнее украшение жизни. (По дороге из Калифорнии перед последним курсом они занимались этим в машине среди бела дня; стоя в уборных заправочных станций – ради новизны, по-собачьи в придорожных вечнозеленых зарослях, где сосновые иголки кололи ладони и колени; на столе для пикников в Северной Дакоте; на полу в мотелях; в спальном мешке, в холодном тумане под Брейнердом в Миннесоте; на киносеансе ("К востоку от рая") в Ла-Кроссе, Висконсин:

Ты хотел бы переспать с Джули Харрис?

Не знаю. Никогда об этом не думал.

А ты хотела бы с Джеймсом Дином?

Конечно. Глупый вопрос. Но он умер.)

Брак много лет был несчастным, а закончился довольно дружелюбно. Он подозревал, что у нее есть любовник, и любовник оказался другом семьи, Мартином Голдом. Оба они, и Нордстром, и Лора, преуспевали, но порознь, Она, продюсер, постоянно была в разъездах, а он зарабатывал большие деньги в нефтяной компании. Единственной точкой пересечения была дочь Соня, болезненный ребенок, но летом, когда ей было двенадцать, вдруг, за день, поздоровевший и исполнившийся жизненных сил. Это лишило их единственной общей заботы, и они окончательно погрузились в свои рабочие дела. Лора заняла более важное место в компании, которая постепенно вышла на телевизионный рынок и стала снимать телефильмы – чаще всего на натуре. Нордстрома снедала зависть к ее праздничной профессии, так непохожей на кабинетную холодность собственных занятий. Бизнесмены по большей части – такие же жалкие бедняги, как все остальные, а Нордстром обладал особенной редкой силой дисциплинированного, умного, красивого, ужасно основательного человека, который никогда не болтает зря и всякое дело доводит до конца без лишнего шума – чем завоевал уважение тестя, когда тот увидел плоды его труда: прекрасный дом в Беверли-Глене.

В этом стаже они могли просуществовать сколько угодно, но однажды вечером, за ужином, дочь с устрашающей страстностью шестнадцатилетней сказала им, что оба они сухари.

Лора только посмеялась, а Нордстром был глубоко уязвлен: так тяжело трудиться шестнадцать лет, чтобы собственная дочь назвала тебя сухарем. Впрочем, ему хватило ума подумать, что он и вправду отчасти сухарь и в фирме у него репутация человека, начисто лишённого сантиментов. Что несколько не беспокоило его до этой минуты.

Вечером после неприятного откровения Нордстром отступил от своего твердого правила в отношении питья – два виски с водой после работы и немного вина за ужином. Он хорошенько приложился к бренди и попробовал завести более доверительный разговор с Соней. Она была внимательна, но позже ему пришло в голову, что это просто вежливость. Он до такой степени был, что называется, "образцовым отцом", что по-настоящему не понимал дочь, и она, как всякий ребенок вела с ним такую же формальную, хотя и шаловливую игру. После разговора он спохватился, что выкурил за это время полдюжины сигарет, и пообещал дочери после окончания колледжа "БМВ", если она не будет курить.

Потом он поговорил с Лорой о том, что неплохо бы ему найти менее обременительную работу или хотя бы какую-нибудь другую. Но она была поглощена своим – собиралась в дорогу, ждала шофера. Ей предстояло лететь ночным рейсом в Нью-Йорк, на два дня, по делам. Они разговаривали, стоя на кухне, и он спросил, не против ли она сейчас по-быстрому. Она сказала, нет, на ней все изменится, и предложила оральный вариант. Он сел в нише, где завтракали, но вариант получился, так сказать, полуоральный, потому что в дверь позвонил шофер. Лора поцеловала его в лоб и ушла, бросив дело на половине, но Нордстром не возражал: хороший любовник, он предпочитал процесс завершению. Теперь он почувствовал себя совершенно одиноким, и в душу ему вползла паника, которая останется там на годы. Он подумал: "Что если всю свою жизнь я занимался неправильным делом?" Он всю ночь просидел в кабинете, размышляя об этом. На рассвете пришел к выводу, что хочет сбежать не от мира, а в мир: ничего особенно нежелательного или отталкивающего в его жизни не было, только не хватало широты и интенсивности; он боялся проспать себя до смерти – к примеру, как скромный луговой ручей, что сонно стекает в большую реку сразу за узким перелеском.

Самое досадное в жизни человека, пожелавшего перемен, – невероятность перемены. Если душевное здоровье его не вполне надежно, он может впасть в неистовство, а то и обезуметь. Нордстром сознавал, что суть бизнеса – дешево купить и дорого продать. Задолго до начального курса экономики в университете он постиг простую благодать капитализма: его отец строил три дачки за пять тысяч и продавал за восемь; через сколько-то лет дачки строились за пятнадцать, а продавались за двадцать две, но, несмотря на изменение цены с годами из-за подорожания материалов и труда – и из-за инфляции, – доход, что неудивительно, остался прежним. Его отец был лишен алчности и, несмотря на уговоры сына, не хотел расширять дело – строить, например, десять домиков в год. В нефтяном бизнесе дело обстояло чуть сложнее – там большой навар образуется, когда перехитришь регулирующие и налоговые органы и надуешь арабов (его позабавило, когда эта ситуация сменилась на обратную). В принципе это была джентльменская игра с инфраструктурой.

Но все это умерло за бессонную ночь в кабинете, как ни медленно действовал яд перемен, которые хотел внести в свою жизнь Нордстром. Между тридцатью семью и сорока годами он усердно ходил на спектакли и вечеринки с показом фильмов и испытывал странную зависть, наблюдая, как запросто общаются друг с другом люди шоу-бизнеса, хотя жажда профита там такая же, как в нефтяном бизнесе. Здесь, по крайней мере, было ощущение игры, а Нордстром забыл, как играют, – да, по правде, никогда и не умел. Тогда он купил яхту, но оказалось, что из Ньюпорт-Бича плавать особенно некуда. Он возбужденно играл в теннис с дочерью, построил за домом дорогой корт, но Соня сломала лодыжку в Солнечной долине, и больше они в теннис не играли. Он попробовал кататься на лыжах в Аспене; занялся стрельбой по тарелочкам; с нефтяными приятелями охотился на перепелов на острове недалеко от Корпус-Кристи, и его чуть не укусила гремучая змея. Случай со змеей настолько всколыхнул его, что он

еще несколько месяцев ощущал нервную дрожь; он протянул руку под месkitовый куст, чтобы достать мертвого перепела, услышал странный звук, но отреагировал медленно, потому что никогда не слышал его раньше; голова с раскрытой пастью ринулась вперед, задев манжету его рубашки. Он сменил прическу. Купил себе серебряное кольцо на мысе Сан-Лукас, где ловил марлиней. Купил камеру. Стал читать биографии и прочел несколько романов. Однажды дурацким вечером, когда Лоры не было, дочь скрутила ему косяк; он смеялся до колик, потом напрягся и слегка испугался. Он переспал с секретаршей, и ему стало грустно. Купил спортивный автомобиль, который водили только жена и дочь. Купил дорогую картину с красивой девушкой, моющей ноги. Когда сменил напряженную работу в нефтяной компании на более простую – вице-президента в оптовой книготорговой фирме, – занялся кулинарией. Научился готовить китайские, французские, итальянские и мексиканские блюда. Взял напрокат фургон, поехал на север в виноградный район около Сан-Франциско, попробовал вина многих виноградников и вернулся с полным фургоном. В Сан-Франциско посетил по рекомендации дорогой экзотический публичный дом, дабы реализовать фантазию: с двумя женщинами в постели одновременно. За триста долларов так и не достиг эрекции – первый в его жизни случай безуспешной любви. Всю обратную дорогу до Лос-Анджелеса пребывал в мрачном раздумье. Размышлял о своем члене, о молодом киношнике, друге Лоры, которого он субсидировал в провальном проекте. Дело было не столько в деньгах (потерянное спишут с налогов), сколько в подозрении, что Лора могла переспать с молодым человеком на надувном матрасе в кустах возле джакузи на заднем дворе. Он мрачно размышлял о своем равнодушии к деньгам, поскольку благодаря его сообразительности и смерти отца Лоры беспокоиться вообще уже было не о чем. Он размышлял об отъезде дочери в колледж Сары Лоуренс три месяца назад. Вдруг он страшно затосковал о зелени, холодных озерах, грозах и метелях своего детства. Он размышлял о том, спала или нет его жена с африканцем месяц назад во время съемок в Кении. Была ли она когда-нибудь в постели с двумя мужчинами – наподобие его неудачной попытки? Норде гром пришел в ужас, когда от этой мысли у него в брюках поднялся член. Пора было расставлять все по местам.

В тот вечер после обеда, за которым они выпили слишком много вина. Лора исполнила пародийный танец под ту же песню Дебюсси, что девятнадцать лет назад в спортзале. Он наблюдал за ней, похолодев от ужаса, – он понимал, что брак их закончился, и она это понимала и бессознательно превратила свой танец в лебединую песнь. Тело ее мало изменилось, но грацию подпортил почти неуловимый налет вульгарности. Он ушел в ванную и плакал, впервые за двадцать семь лет – с тех пор, как его любимая собака укусила помощника шерифа, занятого подледной ловлей на озере, и была отправлена в снежную вечность шестью выстрелами из служебного револьвера. Он вытер глаза полотенцем, которое пахло телом Лоры, вернулся в спальню, и там они сошлись почти с такой же страстью, как тогда в зеленом поле озимой пшеницы, только сплетала их и заставляла повторять каждый сексуальный жест их совместной жизни страшная энергия безвозвратной утраты.

Эта ночь была последняя красивая ночь их брака. Документы на развод были поданы через три месяца (в тот же день, когда их дочь утром уехала в колледж). У Лоры было больше денег, чем у него, хотя не намного больше, и, ярая феминистка, прекрасно умевшая о себе позаботиться, она ничего от него не хотела. Из корыстных соображений он настоял на том, что сам будет платить за колледж (боялся потерять контакт с дочерью), а выручку от продажи дома они согласились разделить пополам. Произведены были некоторые необходимые попытки для того, чтобы гарантировать необратимость развода. Нордстром был простодушной мишенью эмоциональных обстрелов, сопутствующих разрыву, разрубанию всяческих уз и нитей, которые связывают возлюбленных. Ему было сказано, что он эгоист, холодный, расчетливый, опьяненный успехами в бизнесе, игрушками, которыми с недавних пор стал украшать свою жизнь.

Многими летними вечерами, в винных парах, он выслушивал рассуждения о его провинциальном инфантилизме, о его самодовольном невежестве во всем, что касается реального мира, о его невосприимчивости к искусству. Иногда жар злобы умерялся смехом или ее готовностью признать, что по сравнению с другими их брак был не так уж совсем плох. Когда она отдалась от него, потенция его, к сожалению, угасла. Он искал обиды, даже воображаемые, чтобы предъявить ей, но ничего существенного не нашел. Он любил ее и относился совершенно не критически к ее во многом неряшливой натуре. Гнев почувствовал, только когда она рассказала ему о своих любовниках: не потому, что он плохой мужчина, а потому, что жизнь в ее представлении до обидности коротка, чтобы знать только одного мужчину. Гнев рогоносца вспыхивал в нем, но дух его был слишком утомлен печалью и не мог себя выразить. Он выдумал несколько измен, но чувствовал, что она ему не поверила и просто снисходила к его выдумкам. Цивилизованные отношения между ними сохранились благодаря дочери: она любила их обоих, как всякий ребенок, но засомневалась в их психическом здоровье, когда они объявили, что намерены – пока только для пробы – пожить отдельно. Она понимала отца – он мог быть очень милым, но при этом был невежественным интровертом, напроочь лишенным непосредственности и легкости. О любовниках матери она знала с четырнадцати лет и, будучи женщиной, то есть реалистом в вопросах пола, большого смущения от этого не испытывала.

Итак, почти двадцатилетний период жизни Нордстрема закончился. После Рождества, разобравшись с делами, которые считал недоделанными, он переехал в Бостон, где заранее организовал себе вице-президентство в другой книготорговой компании. Он смертельно устал от себя и переехал на самом деле только для того, чтобы находиться в осторожной близости к дочери, учившейся в трехстах километрах южнее. Один раз она даже прожила у него два месяца – когда приехала на летнюю школу в Гарварде. После этого долгого визита Нордстром и начал танцевать в одиночку. Предыдущие два лета Соня провела в Европе, а теперь у нее в Гарварде был молодой человек. Оба увлекались историей искусств и современной музыкой – предметами, на взгляд Нордстрема, приятно бесполезными. Молодой человек был еврей, и это его тоже слегка огорчало, покуда он не провел в размышлениях об этом унылый вечер, так и не придя ни к какому выводу. Лора вышла замуж за еврея; кажется, была вполне счастлива, и, наверное, не стоило удивляться, что ее дочь тоже подобрала себе еврея. В Бруклайне было полно евреев, и, хотя Нордстром близко ни одного не знал, в целом, на расстоянии, они ему скорее нравились. Он не знал, что в кулинарии, где он завтракал, его воспринимают как несколько комичную фигуру. Однажды утром он заметил хозяину, что на упаковке его тайваньского чая "улонг" написано: "Этот редкий черный листовой чай с острова Формоза обладает изысканным ароматом зрелых персиков", а он никаких персиков в нем не чувствует. До хозяйина этот лаконичный юмор в духе Среднего Запада не дошел: он понюхал чай и сказал: "Так что теперь прикажете делать?" А через несколько недель, когда повар в буфете кулинарии не вышел на работу, Нордстром позвонил к себе и сказал секретарше, что задержится. В белом фартуке, из-под которого выглядывала дорогая рубашка и черный узел виндзорского галстука, вид он имел слегка нелепый. Все два часа утреннего наплыва он стряпал простые завтраки: яичницу с луком и лососиной, поджаренные бублики со сливочным сыром, разнообразные омлеты, картошку-фри. Когда посетители схлынули и Нордстром снял фартук, хозяин подумал вслух, чем его отблагодарить за работу; Нордстром весело сказал: "Поставьте что-нибудь за меня на лошадь", – он видел, как тот изучал программу скачек. Позже, когда зашел в кулинарию с дочерью, хозяин поздравил его с тем, что он "отхватил завидную бабенку". У Нордстрема не хватало духу признаться, что это его дочь.

Не желал он признаться и в том, что одинок. Если бы возникла такая мысль – а она не возникла, – он убеждал бы себя, что большую часть времени проводит в одиночестве ради того, чтобы спокойно все обдумать. На работе он был четок и холодно-деятелен, отношения с коллегами сохранял чисто деловые. За три года в Бостоне он быстро восстановил свою репутацию

безжалостного функционера, уволив десять процентов из двухсот человек персонала фирмы и увеличив производительность и объем продаж на двадцать процентов с лишним. Ворчали в низах ирландцы-служащие, работники-итальянцы – но никогда в присутствии Нордстрема. Просто от него исходила сила, пусть и ни на что не направленная. Если бы он вошел в бар и сказал: "Идет дождь", все пьющие прислушались бы и кивнули, даже видя за окном яркое солнце. Но одиночество его лучше всего, пожалуй, отразилось в приготовлениях к летнему приезду дочери. Телодвижения вовсе не были сознательными, а скорее как у животного, которое готовится к зиме или к весне, не понимая, к чему именно. Он велел перекрасить главную спальню в светло-голубой цвет, велел поставить полки с книгами по искусству, пошел покупать стереопроектор и в результате купил два комбинированных, с магнитофонами. Скромность Сониного существования в университете всегда угнетала Нордстрема, напоминая о его невеселом студенчестве. Когда он впервые встретился с ее молодым человеком в Нью-Йорке, оба были в джинсах, и даже не особенно чистых, так что он отказался от забронированного столика в "Ла Каравелле", и обедать отправились в Гринвич-Вилледж. Он сказал себе, что надо будет как-нибудь зайти сюда еще – ему приглянулась одна официантка.

В начале лета 1977 года Нордстром хотел, чтобы секс ушел из его жизни. За три года, минувших после развода, Нордстром несколько раз встречался с женщинами, и оказалось, что он совершенно не способен переключиться. Желание надолго ушло, и это принесло облегчение, но в последнее время оно опять стало проявляться в самые неожиданные моменты: фотография в журнале, иногда в кино (сестра в "Кукушкином гнезде" – Луиза Флетчер – вызвала у него короткую эрекцию), полная официантка в кулинарии и – самое предосудительное, на его взгляд, – девушка в окне напротив. Она поселилась недавно и имела привычку смотреть телевизор в темноте, полагая себя невидимой. Однако голубой свет на ее теле придавал ей поразительную сексуальность; однажды вечером она опустила руку, как будто чтобы погладить себя, и Нордстром выбежал на улицу искать проститутку. В соседних барах ни одной не оказалось, и кончилось дело общенациональным транквилизатором – бейсболом: стал смотреть по телевизору игру "Ред сокс" с детройтскими "тиграми". Но размышлял о своих сексуальных неудачах, об ощущении омертвелости в теле, когда он смотрел, как исчезает будущее, отваливается целыми ночными блоками, полными странных снов, снов, воспроизводящих ненасытность его брака так ярко, что, проснувшись утром, изнуренный, он почти ожидал увидеть Лору рядом. Он много читал по этому вопросу, но чтение походило на попытку перевода с иностранного языка после года изучения: восемнадцать лет у него были отличные половые способности, а лотом исчезли. Книги такого затухания не объясняли, словно это была порча, явление, недоступное для науки. Нордстром не понимал, что жаждет влюбиться, Помешавшись на порядке, он завел дневник, и простой процесс записи сильно его успокаивал.

* * *

Май 1977. Сегодня продал акции, чтобы покрыть арендную плату за дом, снятый на август на берегу в Марблхеде. Дорого, но подумал, что у меня это последняя возможность пожить какое-то время с Соней. Когда декоратор и маляры закончили комнату, заметил, что сделал ее похожей на гот огромный номер в «Лотти» на Рю де Кастильоне, где мы жили в 1967 году, когда ей было одиннадцать. Сид из кулинарии пригласил меня сегодня вечером на игру «Ред сокс» с «Тайгерс», а потом на мальчишник по случаю 50-летия его брата, на берегу в Ревире Сказал, там будет в дополнение к фильмам и еде много «девочек, бабцов и лохматок». Когда Сид оденется в парадное, он выглядит совсем как Коджак в телевизоре, вплоть до слегка вульгарного покроя. Удивляюсь, почему отказался. Мог бы выпустить пар, хотя вряд ли. Двадцать лет я изучал газеты, а теперь не могу их читать. Почему? Потому что в них больше не отражается тот мир, который я воспринимаю. И буду жить соответственно тому, как я его вижу,

даже если вижу неправильно. А если правы они, тогда он неинтересен. Разнимал двух складских, подравшихся из-за симпатичной секретарши. Наблюдала вся экспедиция, а девушка плакала довольно театрально. Оба парня с хорошим ударом, но одного взял старинным захватом за кисть. Все думали, что их уволят, но у меня не хватило духу. В школе я считал, что это красиво – драться за девушку, и во мне всколыхнулись те давние инстинкты. Может быть, впадаю в детство. Весь остаток дня сотрудники возбужденно обсуждали драку. Кто-то сказал, что ребята «заторчали от мочалки» – дурацкое выражение, оно ходило в общежитии, там ведут всякие грязные разговоры, а с девушками начинают говорить цитатами из популярных песен и превращаются в слабоумных. Девица, из-за которой дрались, заметала, что смотрю на нее, облизала губы и улыбнулась. Тощая поблядушка. Выпытал в «Лок-Обере» рецепт заливного омара, чтобы угостить в воскресенье Соню – и спаржей под укусным соусом, и копчеными грудками, которые она любит. Знаю, что приедет в субботу, но вечер должна провести со своим молодым человеком. При случае надо намекнуть ей, что он вполне может пожить у нас – иначе буду мало ее видеть. Ей двадцать лет. Принято спрашивать, куда утекли годы, но я отлично знаю куда, а слезливая сентиментальность никому еще добра не принесла. Папа написал, что из-за сердца и холестерина вынужден отказаться от селедки, жареной свинины, бекона и яичницы и любимых сэндвичей с жареной свининой и луком. Огорчительно. По четвергам мы с ним спускались в подвал, чистили соленую селедку и клали в маринад для субботнего ужина. Мама не любила лазить в бочку. Увидела в погребе змею и закричала. Он еще может есть *lukefist*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.